

Александр Яковлев

СВЕТЛО РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Александр Яковлев

**Свечот Русской Церкви.
Жизнеописание святителя
Филарета (Дроздова),
митрополита Московского
и Коломенского**

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2007

УДК 27-36
ББК 86.372

Яковлев А. И.

Светоч Русской Церкви. Жизнеописание святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского /
А. И. Яковлев — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 2007

ISBN 978-5-7789-0227-1

Церковное служение святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского (1867), «природного Патриарха Российского», оказало глубокое влияние на церковную и светскую жизнь России в XIX столетии. Послушный гражданин и независимый иерарх, твердый охранитель православных устоев и традиций и открытый веяниям эпохи реформатор, могущественный князь Церкви и смиреннейший инок – таков был святитель Филарет.

УДК 27-36

ББК 86.372

© Яковлев А. И., 2007

ISBN 978-5-7789-0227-1

© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2007

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Яковлев
Светоч Русской Церкви: Жизнеописание
святителя Филарета (Дроздова),
митрополита Московского и Коломенского

К 225-летию со дня рождения святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского

По благословению епископа Саратовского и Вольского ЛОНГИНА

Часть первая Смирненным инок

Глава 1 Рождество в Коломне

Родился будущий святитель 26 декабря 1782 года¹, на второй день Рождества Христова, в городе Коломне в семье диакона кафедрального Успенского собора Михаила Федоровича Дроздова. Новорожденный был первым ребенком в семье. Крестили его 1 января 1783 года в честь святителя Василия Великого, чья память отмечается в этот день. Крестным отцом стал друг семьи соборный ключарь Петр Васильев, крестной матерью – бабушка Домника Прокопьевна.

Стояли обыкновенные зимние дни в занесенной снегом Коломне. Шли Святки, и по домам ходили ряженые, дети с пением колядок. Они стучали в двери домов, пели праздничные ирмосы: «Христос рождается, славите. Христос с небес, срящите. Христос на земли, возноситеся. Пойте Господеви, вся земля, и веселием воспойте, людие, яко прославися». Только в одном из домов ряженных встретили не с легким сердцем: младенец, появившийся на свет несколько ранее срока, будто спешил, оказался хил и слаб, и за жизнь его серьезно опасались, потому и окрестили поспешно. Впрочем, и в том доме надавали поздравителям пирогов, пряников и орехов. Центром же внимания оставался маленький спеленутый комочек, глядевший перед собой ясными глазами. Как волновались родные! И как важно было для всех нас, чтобы этот мальчик выжил!

В жизни любого человека момент его появления на свет есть момент важнейший и во многом определяющий его последующую судьбу, но мы лишь впоследствии оказываемся в состоянии понять и оценить значение тех или иных фактов.

Рождение Василия Дроздова выпало на очень знаменательный день. Рождество Христово – по значимости следующий после Пасхи христианский праздник. На Великом повечерии в тот день во всех храмах пели: «С нами Бог, разумеите, языцы, и покарайтесь: яко с нами Бог». Но он родился на второй день праздника, в который отмечается Собор Пресвятой Богородицы. И думается, подрастая, Василий внимательно вглядывался в большую икону этого праздника, в центре которой изображена Матерь Божия, восседающая на троне с Младенцем. Слева приближаются три волхва, с другой стороны – три пастуха. Внизу изображен хор восславляющих Богородицу Марию, слева – фигура Земли, указывающая на пещеру, где родился Христос, справа – фигура Пустыни с яслями в руках. Вверху сцену увенчивает большая арка – свод небесный, в котором Ангелы поклоняются нисходящему Святому Духу. Для Василия этот иконописный образ оказался судьбоносным.

Всем дается возможность избрать путь жизни, ведущий в мир горний, но мало кто решается на это, и жизнь наша распадается на фрагменты: светлые и темные, чистые и постыдные, радостные и горькие, ибо разные страсти борют нас, разные цели манят. Святитель Филарет не забывал никогда, что появился на свет под звуки радостного и торжественного пения «С нами Бог!», под покровом Девы Марии, с предзнаменованием непростого служения – волхвы, с обещанием непрестанного труда – пастухи... Уже в молодом Василии Дроздове поражает цельность его личности. Он жил в том же мире, что и мы, все видел, все понимал, но, с рожде-

---

¹ Все даты приведены по старому стилю. Здесь и далее сноски, авторство которых особо не оговорено, принадлежат редактору.

ния осененный благодатью Святого Духа, сумел решиться на труднейший выбор: предпочесть служение Богу всему остальному.

Святитель Василий Великий, один из трех великих вселенских учителей и отцов Церкви, стал небесным покровителем сына коломенского диакона, как и многих миллионов мальчиков в России, но лишь Василию Дроздову суждено было уподобиться этому святому, подняться на подобную ему высоту учительства в Церкви. Поражает, как спустя века после святителя Василия Великого в другой стране, под другим небом появляется молодой человек, столь же щедро одаренный разнообразными талантами и способностями, столь же вдумчиво вглядывается в мир, обретает сокровища человеческого разума, но избирает служение не мирское. Подобно великим каппадокийцам, Василий Дроздов всю свою жизнь отдает на служение Церкви. Подобно им, борется за чистоту церковного учения, отстаивает самостоятельность Церкви от поползновений власти светской и соблазнов мира, устроит порядок церковной жизни, просвещает светом Божественной Истины своих современников, терпит непонимание, насмешки, интриги, подчас по человеческой слабости совершает ошибки, но никогда и ни в чем не изменяет Богу.

Вид древней крепости в Коломне. Сер. XIX в.

Немаловажно и то, что родиной будущего святителя стал небольшой город с древней историей в центре Великороссии, не столица и не деревенька, а один из многих узловых пунктов формирования и развития русской государственности, русского хозяйства и русской культуры. Коломна располагалась на берегу Оки вблизи впадения в нее Москвы-реки. Впервые город упоминался под 1117 годом в Лаврентьевской летописи как пограничный город Рязанского княжества. В 1301 году выросший центр торговли и ремесел был присоединен к Московскому княжеству, в 1350 году учреждается Коломенская епархия – одна из древнейших в России. В последующие два века не раз Коломна опустошалась татарскими нашествиями, но всякий раз поднималась и возрождалась. Образовались слободы купцов, ямщиков, гончаров,

кузнецов. В XVI веке в центре города был воздвигнут кремль, вокруг которого стали расти жилые кварталы. К началу XVIII века город превратился в важный торговый центр, а в 1740-е годы в нем организуется духовная семинария для подготовки священнослужителей. Здесь завязываются узелки, сопрявшие Дроздова с русской историей, русской традицией и народным бытом, угадываются корни идей, вдохновлявших будущие труды святителя в церковной, государственной и культурной жизни России.

Он родился в царствование Императрицы Екатерины II, недаром получившей наименование Великой; он вырос в царствование Императора Павла I, закончившееся преждевременно; он возмужал и взлетел на высоты церковного управления при Императоре Александре I, начавшем в стране преобразование и победившем Наполеона; он получил славу Филарета Мудрого в царствование Императора Николая I, уважавшего Московского митрополита, но никогда до конца ему не доверявшего; он отметил полувековой юбилей своего служения в архиерейском сане в царствование Александра II, Царя-Освободителя, и успел внести свой вклад в начавшиеся Великие реформы. Так его жизнь оказалась частью истории России.

Стоит обратить внимание и на то, что крестили Василия Дроздова не в кафедральном Успенском соборе в кремле, где служил его отец, а в Богоявленской церкви, священником в которой был его дед по матери Никита Афанасьевич Филиппов. По-житейски понятно, что Домника Прокопьевна страшилась отпустить от себя семнадцатилетнюю дочь в таком положении, накануне родов. Кроме того, был канун Рождества, и диакон Михаил Дроздов (еще не имевший своего дома) решил провести праздник в семейном кругу, в доме тестя и тещи. Потому-то будущий святитель явился на свет Божий среди тесного собрания родных людей, согретый их любовью и вниманием. И как не усмотреть в этом прообраз его будущего служения – всегда в гуще людской, всегда на глазах людей.

Всякий человек несет на себе родовые черты. Родители святителя были людьми вполне обыкновенными и в то же время замечательными. Михаил Федорович Дроздов был сыном священника и внуком священника. Его отец Федор Игнатьевич Дроздов служил в сане протоиерея в Богоявленской церкви Коломны, но после смерти жены ушел на покой и стал вести жизнь затворническую и крайне аскетическую; время он проводил в посте и молитве, редко выходил из своего домика, видели его только в церкви; так, к удивлению окружающих, не принимая пострига, стал он истинным монахом. Другой дед святителя, Никита Афанасьевич Филиппов, напротив, до последних дней жизни оставался приходским священником, вел жизнь достойную, в которой, однако, находилось место и праздникам, и игре на гуслях.

Михаил Федорович Дроздов, отец будущего святителя, пошел по стопам своего родителя и не видел для себя иного служения, кроме духовного. Он получил обычное семинарское образование, но счел его неудовлетворительным. Пытливый ум и жажда познаний побудили его заняться самообразованием, и из своих скудных средств он покупал книги богословского, философского и исторического содержания. По окончании Коломенский духовной семинарии в 1780 году он был определен туда же учителем, а в 1782 году посвящен в сан диакона с назначением в Коломенский кафедральный собор и с оставлением в должности учителя. Жена его, Евдокия Никитична, мать будущего святителя Филарета, к моменту замужества была милой девушкой небольшого росточка, тихой, послушной, доброй.

Евдокия Никитична Дроздова, мать свт. Филарета

Обладая богатыми дарами терпения и любви, она с радостью несла нелегкое бремя материнства и семейных забот. От родителей она унаследовала искреннее благочестие; мать передала ей также навыки хозяйки, умение вести дом по старине.

Так в характере и в складе личности будущего святителя сложились самые разные черточки: глубокая церковность деда Никиты Афанасьевича и самозабвенный аскетизм деда Федора

Игнатьевича, отцовское неумное стремление к знаниям и материнская терпеливая самоотреченность в служении ближним.

Но почему именно Василию Дроздову суждено было стать первым иерархом Русской Церкви в XIX веке, фактическим Патриархом при отсутствии патриаршества и оказать глубокое влияние на всю церковную и светскую жизнь страны? Господь даровал ему глубокий ум и гениальные способности, но Россия всегда была богата талантами. Огромная энергия и сильная воля Василия Дроздова сыграли свою роль, но такими качествами обладал не он один. Думается, решающую роль в формировании личности святителя сыграл его свободный выбор – служение Богу, а не миру. Всего себя он отдал Господу, и Господь позволил святителю Филарету послужить Ему во всю широту его богатой натуры, талантов и способностей, которые у большинства из нас остаются зарытыми в земле.

Уже при жизни митрополита Филарета его образ был воплощением образа Церкви. Церковное служение стало главным для него. Но в этом служении святитель всегда оставался верным духу истины, а не только букве церковного учения, что влекло за собой в его жизни и большие радости, и немалые огорчения. Блестящий взлет безвестного коломенского попovichа породил немало зависти в церковной среде. Строгость следования церковным канонам вызывала недовольство дворянства и даже царей. Пытливое исследование истины и стремление довести ее до всех православных христиан привели к подозрениям и недоверию со стороны

властей церковных и светских. Ревностная защита устоев Церкви стала причиной формирования репутации святителя как замшелого консерватора.

И все это отчасти правда, но только отчасти. Невозможно свести личность святителя Филарета к одному или другому свойству, упрощением было бы рисовать его образ одной или двумя красками – ибо он слишком велик, поразительно разнообразен, своеобразен и неоднозначен во всех своих проявлениях. Консерватор и бунтовщик, послушный верноподданный и независимый иерарх, твердый охранитель церковных традиций и открытый к новому реформатор, величавый князь Церкви и смиреннейший инок – таков был святитель Филарет, пришедший в мир Божий в 1782 году на второй день Рождества Христова в городе Коломне.

Глава 2

Детские годы

Вскоре после крещения первенца Михаила Федоровича посетила новая радость: 13 января 1783 года его рукоположили в иерейский сан и назначили священником в Троицкий храм Ямщицкой слободы на западной окраине города. Поначалу трудно было молодому священнику, потому что прихожане хотели поставить своего кандидата и всяческими способами пытались выжить неугодного им Дроздова. Однако своим ревностным служением, терпением и смирением иерей Михаил сумел завоевать сердца жителей Ямщицкой слободы. Грубые сердца их смягчились, согретые его душевной теплотой. Раскаявшись в недобром отношении к пастырю, прихожане однажды и навсегда изменили свое отношение к нему. Его признали, нестроение исчезло.

Там же, вблизи церкви, иерей Михаил купил небольшой дом, обустроил его, и с 27 февраля того же года молодая семья зажила самостоятельно. Одноэтажный дом был просторен: он состоял из прихожей, залы, четырех комнат и кухни. Одной стороной дом выходил на улицу, другой – на двор и сад. На крыше дома была воздвигнута башенка, с которой в хорошую погоду открывался чудесный вид на Коломну и ее окрестности. Длинная узкая полоса приусадебного участка была занята плодовыми деревьями.

Случилось так, что первые детские годы Василий Дроздов провел в доме своего деда Никиты Афанасьевича. Его мать, Евдокия Никитична, не могла уделять ему должного внимания из-за забот по дому, частых беременностей и болезненности. В доме деда и бабушки маленький Василий рос в атмосфере нежной любви и ласковой требовательности, однако столь ранняя оторванность от родителей, возможно, сказалась на его характере, на его отношениях с отцом. Домника Прокопьевна часто ходила в церковь и брала с собою внука, подобно Марине, бабке Василия Великого, приучала его к церковной молитве.

В родительском доме Василий ощущал ту же атмосферу теплой веры. Мать водила его в Троицкий собор. Мальчик терпеливо выстаивал службу. Еще не понимая смысла всего, что пелось и произносилось в храме, он по-своему переживал совершаемое отцом служение. Все занимало его: колокольный звон, чтение, пение, каждение, священнодействие, возжигание и тушение свечей. После службы из-под высокого купола храма опускали свечник, свечи гасились, и свечник вновь поднимали вверх. Василию никогда не надоедало смотреть на это, он не спешил убежать домой – так пленяли его красота, гармония и благолепие богослужения.

Но и дома мальчик любил играть «в церковь»: он надевал на себя какую-нибудь одежду до пола, повязывал на шею платок и ходил по комнатам, распевая церковные напевы и помахивая «кадилом» – веревкой с привязанным к ней камушком. Но вскоре возраст брал свое, и Василий убежал на улицу играть с соседскими ребятами в пряталки, салочки, лапту. Шалостей сторонился, он был тихим мальчиком.

Дед Никита в свободное время любил играть на гусях церковные напевы и выучил этому искусству внука. Василий обладал хорошим слухом и музыкальностью, эти свойства пригодились ему в последующем. Дом бабушки значил для мальчика не меньше, чем родительский, куда он вернулся окончательно только в семь лет.

Пришло время учиться, и первым учителем Василия стал отец. Даровитый и прилежный ученик быстро постиг основы грамоты и полюбил чтение, благо иерей Михаил успел к тому времени собрать небольшую библиотеку.

Летом Василий любил гулять в одиночестве. Он обходил с западной стороны Троицкий храм и спускался в глубокий овраг, в котором собирал светлые камушки. Если подняться по крутому склону оврага на противоположную его сторону, то открывались луга и поля, среди которых вдоль Оки бежала дорога, ведущая в Каширу.

20 декабря 1791 году девятилетний Василий был отдан в Коломенскую семинарию. Там царили суровые порядки и обучение велось плохо. Духовные школы в России в то время стояли на низком уровне: безраздельно царила схоластика, латынь стала главным предметом обучения, а главным методом оставалась зубрежка. Не все выдерживали десять и более лет обучения при крайне скудном питании и строгом отношении малодаровитых учителей, у которых самым обычным наказанием была порка розгами.

В то время не только русская духовная школа, но и богословие, церковная наука оставались на низком уровне развития. Долгие века заняли процессы распространения христианства на Руси, обустройства государственного, которому церковные деятели также отдавали немало сил, сопротивление со многими чужеземными врагами, ибо кто только не пытался покорить Русь. В отстаивании своей независимости и самостоятельности Русская Церковь незаметно для себя замкнулась, отгородилась от внешнего мира. Она сохранила себя самоё, но сил на развитие уже не доставало. Свидетельством внутреннего кризиса Церкви стало возникновение раскола в правление царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона. Преобразования Петра Великого, начатые с целью ускорить развитие страны и превратить ее в великую европейскую державу, затронули и церковную жизнь. Вместо Патриарха во главе Русской

Церкви был поставлен Святейший Синод, в котором «оком государевым» стал светский чиновник – обер-прокурор.

С обретением государством полного контроля над Церковью ее самостоятельность осталась в прошлом, Церковь была превращена в своеобразную часть государственной машины, однако по воле Петра духовные школы получили сильный толчок к развитию. В те времена греческая церковная ученость едва теплилась, а на Западе богословие развивалось. Стали учиться у Запада. Вводились отчасти, увы, и западная рутина и схоластика, рационалистический подход, заимствованный в протестантизме. Наследие Восточной Церкви было почти забыто: в своей ненависти к старине Петр запретил монахам даже иметь в келье перо и чернила. В учебных заведениях изучали латинскую грамматику, риторику и поэтику. Даже тексты Священного Писания на уроках чаще читали по-латыни. Богословие в семинариях стали изучать по Фоме Аквинскому, по трудам западных теологов Герхарда, Квенштедта, Голлазия, Буддея, философию – по Аристотелевой системе в переработке иезуитов.

Русская Церковь была моложе Западной и еще не успела разработать своих богословских систем. С падением в 1453 году Византии рухнули ее связи с центром православной церковности, а для выработки своей теологии на Руси не доставало еще и спокойных времен: шли войны, бушевали внутренние волнения, происходило становление государственности – не до науки было. Русские богословы в XVIII веке пытались составить хотя бы свои компиляции богословских идей, но труды епископа Георгия (Конисского) и митрополита Гавриила (Петрова) не были изданы. В то же время широкое распространение получил перевод книги некоего немецкого пастора Иоганна Арндта «Об истинном христианстве», в которой основой веры провозглашались не христианские догматы, а сокровенные переживания сердца человека.

Казалось бы, польза от петровской образовательной реформы очевидная: усваивались начала общеевропейской культуры, богословской учености. Однако они оставались в разрыве с вековым церковным опытом русского народа и его собственными традициями духовной жизни. Отцов Церкви переводили и читали в семинариях, но в основу всего учебного курса был положен опыт западного христианства. Два разнородных начала – традиционное национальное и современное западное – лишь сосуществовали рядом, но не соединялись. Церковная ученость оставалась внешней, а заимствованный западный духовный опыт усиливал в семинариях и в кругах образованных людей мечтательное морализаторство в духе Арндта.

Русское духовенство, пребывая в состоянии застоя, в своей массе покорно несло бремя государственного служения. Примеры иного служения были редки. Святитель Димитрий Ростовский, плодотворно соединивший в своем церковном творчестве положительные каче-

ства богословия Запада со святоотеческими традициями Востока и осмеливавшийся в проповедях потаенно осуждать грозного Петра, и близкие ему по духу владыки Стефан (Яворский) и Арсений (Мациевич) были одиночными явлениями среди русских иерархов. Но они были, и заложенные ими начала возрождения русской церковной жизни ожидали достойных продолжателей.

В семинарии Василий Дроздов учился латинской грамматике, поэзии, риторике, всеобщей истории, церковной истории, философии, философской и естественной истории. Учителя в ведомостях отмечали, что сей ученик «дарований, прилежания, успехов похвальных». Учиться было трудно. Условия жизни в провинциальной семинарии оставались нелегкими, средства – скудными, нравы учащихся и учащихся – грубыми. Программа обучения была рассчитана на восемь классов, на их окончание уходило у большинства десять-двенадцать лет. Многие семинаристы за два-три года обучения едва могли одолеть премудрости катехизиса и русской грамматики в низших классах (они назывались «классами грамматики») и отправлялись в родные села служить псаломщиками. Окончание шестого класса («риторики») считалось большим достижением; в нем изучались библейская история, церковный устав и риторика, и немало выпускников шестого класса рукополагалось в сан священника.

Очевидно, что получение познаний и развитие мышления семинариста Дроздова происходило в последнюю очередь благодаря родной школе, но в первую очередь – благодаря советам и наставлениям отца. Иерей Михаил приучал старшего сына к книжной премудрости, поощрял любовь к чтению, развивал в нем философское мышление. Пытливый юноша самостоятельно штудировал книги по философии из отцовской библиотеки.

В эти годы отец благословил Василия петь на клиросе в Троицком храме, читал он там и Апостол. Небольшого роста, тихий и скромный юноша выработал тогда наблюдательность и умение анализировать поведение людей. Он начинает интересоваться также жизнью страны и Европы, всего большого и незнакомого мира.

В 1798 году Святейший Синод утвердил новый устав духовных школ. В нем детально определялась структура учебного плана, вводились краткая история Церкви, герменевтика, систематическая догматика и апологетика; предписывалось чтение Библии с разъяснением трудных мест, предлагалось ввести в обязательном порядке написание диссертаций для заканчивающих философский класс и произнесение публичных проповедей для учащихся в богословском классе, а также проведение в духовных академиях дважды в год публичных диспутов на философские и богословские темы. Словом, русские духовные школы поднимались на более высокий уровень. Василий Дроздов не успел вкусить и крох от этих нововведений. «В Коломенской семинарии учился я до класса философского, – вспоминал он сам позднее, – наставником по этому классу был такой человек, которого скудость мог постигнуть и ученик даровитый».

В 1799 году Коломенская епархия была упразднена. Коломенский епископ Мефодий (Смирнов) был переведен в Тулу, туда же перевели и семинарию. Однако ученикам Коломенской семинарии было разрешено завершить свое образование в московских духовных школах.

Глава 3

Годы становления

В те годы в Москве имелась Славяно-греко-латинская академия, располагавшаяся на Никольской улице вблизи Кремля; семинарии же были в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре и в Николо-Перервинском монастыре. Василию захотелось учиться в Москве, большой город манил его своими необъятными возможностями. Имелась и надежда на помощь родных: брат деда Никиты Афанасьевича протоиерей Александр служил в Успенском соборе Московского Кремля. Решение оставалось за отцом будущего святителя иереем Михаилом. Он же рассудил, что для надежного благоустроения первенца лучше определить его под защиту преподобного Сергия. Правда, в Сергиевом Посаде у Дроздовых не имелось ни родных, ни знакомых, так что возможны были сложности и трудности в устройении быта юноши: казеннокоштные семинаристы содержались дурно, им приходилось выполнять разные работы. Отец обещал Василию, что поможет ему прожить на свой кошт.

Имелась еще одна важная причина, по которой иерей Михаил Дроздов сделал свой выбор в пользу Троицкой семинарии. Московский митрополит Платон (Левшин) уделял большое внимание семинарии. Он поставил там образование на высокий уровень, сравнимый с уровнем Киевской духовной академии: в Троицкой семинарии постепенно освобождались от оков схоластики, солидно было поставлено изучение древних и новых языков; владыка ввел в семинарии особый, патриархальный уклад жизни, сближавший учителей и учеников; грубые нравы смягчились, было дозволено даже создать семинарский оркестр, ставились спектакли духовного содержания; владыка сам частенько посещал лекции и знал всех семинаристов в лицо, отличникам платил стипендию из своего кармана, и такие семинаристы получали добавление к фамилии – Платонов.

Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Сер. XIX в.

5 марта 1800 года в Лаврское семинарское правление было подано прошение о зачислении студента философского класса Коломенской семинарии Василия Дроздова в Троицкую духовную школу. Судьба готовила юноше нелегкое испытание: его приняли в семинарию, но в уже завершённый им класс философии, невысоко ставя полученные им в Коломне знания. Иерей Михаил, зная способности и уровень познаний сына, счел это несправедливым и предложил его проэкзаменовать. На экзамене Василий дал вполне удовлетворительные определения философских категорий. Тогда задали ему написать сочинение на тему о врожденных идеях. «На это ничего не мог бы я отвечать по урокам своего прежнего наставника, – вспоминал митрополит Филарет позднее, – но, роясь, когда учился в Коломне, в книгах своего отца, читал я учебник по философии Винклера. Там я получил об этом вопросе некоторое понятие. И моим ответом были довольны».

Начались годы учения. Василий Дроздов был принят на свой кошт, и ему пришлось самому устраивать свой быт. Нанял он одну квартиру, потом пришлось перейти на другую, потом на третью. «Тут указали мне квартиру у священника Рождественского, которого семейство, как я узнал после, было расстроенное, и сам он с женою вел жизнь невоздержную. У него квартировали ученики, выгнанные из бursы за шалости, и по бедности кормились хлебом, воруя его из казны. У них был заведен такой порядок, чтобы каждый понеделёжно кормил все общество, которое состояло человек из пяти. Не зная их способа пропитания, я стал с ними на квартиру. Но чрез месяц, когда все объяснилось, я не захотел оставаться с ними, пришел к префекту, объяснил ему свое положение и просил о принятии меня на казенное содержание со взносом денег. Но меня приняли и без этого условия».

Стоит оценить проявленную старшим Дроздовым мудрость и младшим – твердость. Иерей Михаил нежно любил первенца, но понимал, что бесполезно опекать его до момента взросления: юноша должен сам учиться понимать жизнь и людей, устраивать свои отношения с

миром и вырабатывать характер. Василий впервые оказался без родительской опеки, но сумел избежать соблазнов и искушений, самостоятельно выработал свое отношение к людям и обстоятельствам.

Поглощенный новой жизнью, Василий тем не менее с радостью встречал известия из дома. В том году его сестра Ольга вышла замуж за диакона Иродиона Сергиевского, а отец был возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем Коломенского Успенского собора, где в течение 450 лет до него настоятельствовали Коломенские епископы.

«Ваше Высокоблагословение, милостивейший государь батюшка Михаил Федорович! – писал Василий родным. – Я слышал, что у Вас в Коломне много случилось перемен, для Вас не неприятных, что к имени Вашей должности присоединено титуло первенства. Я не хочу теперь изображать заслуги, которые сему предшествовали и сделали Вас сего достойным. Я не имею намерения хвалить, не довольно умея ценить истинные достоинства. Я скажу только с чувством сердечной радости: “Поздравляю!”. Сплетением множества слов не лучше бы я выразил мои мысли, нежели сим одним. Итак, я, сердечно пожелав Вам счастливого успеха в должностях, Вами на себя приемлемых, – в чем уже и преуверен, – умолкну.

Р. S. Во время последовавшей с Вами перемены и со мною нечто последовало новое. Я принят на казенное содержание и живу теперь в монастыре. Вот и мои новости! Более ничего.

Батюшка и матушка! Благословите меня заочно, а я, с сыновнею покорностью о сем вас прося, пребуду вашим послушным сыном.

В.Д. 10 июня 1800 года».

С переходом на казенное содержание юный семинарист смог уделять учебе больше времени. Василию приходилось прикладывать больше сил, чем его соученикам, потому что надо было наверстывать упущенное в Коломне и усваивать преподаваемое. Философия, всеобщая история, древнееврейский и древнегреческий языки отнимали много времени. Однако усердие и способности юноши помогли ему добиться отличных успехов. Уже в ноябре 1800 года он пишет на древнегреческом языке приветственное стихотворение митрополиту Платону:

Пой в песнях великих героев, Омир!
Дела же Платона ты петь не дерзай:
Поэты наклонны и правду превысить —
А как превозвысить деянья отца?

Сам святитель впоследствии называл это стихотворение «детским», но семинарское начальство и сам митрополит Платон тогда отметили поэтический дар, проявившийся в семнадцатилетнем семинаристе.

Провидение не случайно свело юного семинариста и маститого иерарха. Владыка Платон за свою долгую жизнь сумел достойно послужить Церкви. Духовный наставник наследника престола великого князя Павла, уважаемый Императрицей Екатериной II придворный проповедник, возведенный в тридцать три года в сан архиепископа и получивший европейскую известность, владыка в полной мере вкусил славы человеческой, но ею не прельстился. Обладая прямым, горячим и твердым характером, он не надолго ужился в царском дворце и вскоре после назначения его в 1775 году на Московскую епархию отпросился туда насовсем. Он и в мыслях не восставал против введенного Петром Великим синодального устройства церковного управления: признавал его неканоничность, но принимал с покорностью и всю свою энергию направил на развитие церковной жизни. Он провел важные изменения в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре и утвердил во всей епархии порядок поставления священниками на приходы только лиц, получивших семинарское образование.

Митр. Платон (Левшин)

Европейски образованный человек, он видел низкий уровень развития народа и духовенства, а потому основное внимание уделял постановке образования. Ученое и культурное духовенство, по его мысли, должно послужить делу поднятия общей культуры народа, изживанию в духовной жизни двух крайностей: грубости и мечтательности. Митрополит Платон предложил первый русский опыт построения богословской системы, написал первую русскую церковную историю, стяжал заслуженную славу первого русского проповедника. Правда, его богословское сочинение оказалось несколько неопределенным в формулировках, а его церковная история и проповеди, потрясавшие многих слушателей до слез, несли явный отпечаток современной ему исторической эпохи. Он был человеком своего времени.

Василий Дроздов едва ли сознавал слабости в творчестве владыки, это пришло к нему позднее. Но поначалу он не мог не восхищаться талантами митрополита, его горячей верой. Василию предстояло продвинуться дальше в развитии русского богословия и превзойти своего маститого учителя. Быть может, он думал об этом, ведь юность не может обойтись без мечтаний.

Взросление вызывает в человеке стремление осмыслить заново, по-своему окружающий мир и свое место в нем. Переживает это состояние и Василий Дроздов. Порывы юношеских страстей не минуют его. Он вдруг забывает написать домой и принужден оправдываться в ответ на упреки отца. Он отъединяется от легкомысленных соучеников, что вызывает их вражду, но находит добрых друзей – Андрея Саксина, Ивана Пылаева, Василия Розанова, Григория Пономарева. Он погружается в изучение риторики, психологии и даже медицины, старательно исполняет послушание по надзору за семинарской больницей, но находит время для игры в шахматы и с радостью в летнее время ловит рыбу в лаврских прудах. Он отдается свободному полету мысли, однако внимателен к событиям окружающего мира: в письмах домой описывает снежную бурю, обрушившуюся весной 1801 года на Посад, и посещение Лавры молодым Императором Александром I, сообщает родным о чудотворении иконы Богоматери в Ромнах, о ценах на хлеб и дрова, переписывает для них рецепт лекарства.

Тем временем Василий был в 1802 году благословлен на ношение стихаря для служения в Трапезной церкви и переведен в богословский класс, где курс читал ректор семинарии архимандрит Евграф (Музалевский-Платонов). Молодой ректор отличался глубокой ученостью и пытливым умом. Он не задавал своим ученикам простое чтение и заучивание отрывков из учебника, но толковал трудные места, сравнивал православные и протестантские объяснения христианских догматов. Архимандрит Евграф одним из первых в ту эпоху осознал необходимость вернуться к изучению наследия отцов Церкви и изучал их труды вместе с семинаристами. Он же ввел диспуты на русском языке, не уменьшая часов на изучение латыни.

Ректор был внимателен к ученикам и не мог не отметить Дроздова, одного из лучших: «Отлично остр, прилежен и успешен». Целеустремленность, способность к проникновению в суть предмета и жажда познаний соединялись у Василия Дроздова с терпением, усидчивостью и энергией. Однако это не превратило его в «молодого старичка». Написанное им в октябре 1804 года письмо к отцу бурлит молодым задором:

«...Честь имею поздравить Вас с приближающимся днем Вашего Ангела, хотя и надеюсь еще вперед писать о сем.

Я и не вовремя кричу,
Что многолетства Вам хочу,
Что в сердце вечно обитает,
Законов времени не знает.

Когда 8-го следующего месяца будут у вас наши родственники, прочтите им общий от меня визит:

Любезнейшим родным,
И малым и большим,
Всех благ прямых желаю
И также посылаю
Кому – агу! Кому – виват!
Пусть сами меж собой делят...».

Стал проявляться и характер Дроздова. Например, однажды ректор предложил ему написать приветственные стихи митрополиту Платону по случаю именин владыки и выйти к нему навстречу с товарищами, как бы увлеченными «непринужденным» разговором на заданную тему. Стихи Василий написал, а от разговора отказался: «Это театральное представление! Я не желаю быть актером».

Между ректором и учеником возникло охлаждение, впрочем, кратковременное.

Годы учения подошли к концу. Архимандрит Евграф докладывал митрополиту Платону об особенных успехах Василия Дроздова и Матфея Знаменского: «И по прилежанию, и по остроте ума как в других науках, так и преимущественно в поэзии они, без сомнения, лучше всех. Отличаются особенною скромностью». В ноябре 1803 года оба выпускника были назначены учителями в семинарию.

Василий Михайлович Дроздов преподавал древнегреческий и древнееврейский языки. Ежедневно он излагал грамматические правила, читал вслух тексты и выслушивал переводы, преимущественное внимание уделяя Псалтири, учил семинаристов разговорной речи, проверял их письменные переводы творений святителей Василия Великого и Григория Богослова. Жил он в скудных условиях, так что не мог обойтись без помощи отца, чем тяготился. Лишь в августе 1806 года с назначением учителем поэзии и лаврским проповедником его жалованье увеличилось настолько, что можно было обходиться без родительской поддержки.

Заметим, что должности лаврского проповедника ранее не существовало, и митрополит Платон учредил ее специально для Дроздова, чьи таланты успел высоко оценить. Самому Василию Михайловичу это назначение виделось труднейшим испытанием, он ясно сознавал свою малоопытность, тем более очевидную в присутствии признанного церковного витии владыки Платона, чьи проповеди имели европейскую известность. Однако как в учебе, так и в проповедании Дроздов не без робости, но с надеждой на помощь Божию исполнил повеление начальства.

Первая проповедь была произнесена им еще в 1803 году на день преподобного Сергия: «...Пространство веры неудобнообъемлемо, – говорил он в ней, – Оно не ограничивается в тесных токмо пределах мертвого понятия о Божестве и человеческом естестве... Веру можно уподобить прекрасному древу, обогащенному удивительными плодами». Здесь наряду со школярской риторичностью и старательно подобранными архаизмами уже видны замечательные черты будущего великого проповедника: сила и энергия веры, глубокая убежденность в евангельских истинах, четкость построения проповеди и последовательность раскрытия главной темы, афористичность речи. С 1806 года он все чаще произносит проповеди в храме, вызывая восхищение не только молящихся, но и самого строгого ценителя. «А у меня появился отличнейший проповедник – учитель Дроздов, – писал митрополит Платон своему викарию епископу Дмитровскому Августину (Виноградскому). – Я сообщу его проповедь, и удивитесь».

Происходит дальнейшее сближение старца-владыки с молодым Дроздовым. Как знать, не прозревал ли митрополит Платон в скромном и невидном собою учителе своего преемника? Дважды обращались к нему жители Коломны с просьбой рукоположить Дроздова в иерейский сан и отпустить его в родной город на приход, но владыка отказывал им: «Он мне самому нужен!».

Митрополит еще в феврале 1806 года предложил Василию избрать монашеский образ жизни, но он уклонился от ответа.

Возможно, молодой учитель находился в муках выработки собственного жизненного идеала, и потому кое-что в стиле митрополита его смущало. Кое-что – это картины Болонской и Римской школы, китайские ширмы, занавеси и фарфор, статуэтка Будды на яшмовой колонне в митрополичьих покоях; это пение кантов семинаристами в лавровых венках, фейерверк и иллюминация при приеме в Лавре коронованных особ – смешение светского и духовного, затейливое и свободное соединение строгих церковных начал и мирского буколического духа XVIII века. Василий ничего этого не осуждал, но едва ли мог принять.

Душа человеческая – тайна для окружающих, а подчас и для самого человека. Как понять себя? Как распознать свое истинное призвание? Как верно определить свое место в жизни и способ своего служения? Эти вопросы волновали молодого учителя. Вероятно, ответ он искал и в книгах святого Григория Богослова, которого всегда особенно любил. «Все с себя сбрось и тогда рассекай житейское море; но не пускайся в плавание как грузный корабль, который готов тотчас потонуть», – гласило одно из двестишестидесяти святого аскета и богослова. А другое его двестишестидесяти, которое Василий Михайлович Дроздов вполне мог бы избрать своим девизом, призывает: «На пути к совершенству никогда не останавливайся».

Отец был против его монашества, но до дозволенного возраста пострижения – тридцати лет – было еще недалеко. Вот почему выбор был сделан нескоро, но обдуманно и твердо.

В письме к отцу от 1 ноября 1808 года Василий написал: «Не знаю точно, понравится ли Вам новость, которую скажу теперь; впрочем, если в Ваших письмах говорит Ваше сердце, надеюсь, что я не оскорбил Вас и не поступил против Вашего произволения, сделав один важный шаг по своей воле, по довольном, смею сказать, размышлении. Батюшка! Василия скоро не будет, но Вы не лишитесь сына – сына, который понимает, что Вам обязан более, нежели жизнью, чувствует важность воспитания и знает цену Вашего сердца. Простите мне, я не думал осмелиться хвалить Вас и не знаю, как это вырвалось. Без нетерпения, но с охотою, без радо-

сти, но с удовольствием я занимаюсь теперь некоторыми приготовлениями к преобразованию, а высокий благодетель мой отнимает у меня часть сих попечений. Дано приказание изготовить рясу и полукафтаны на его счет... Я прошу Вашего благословения и молитв и надеюсь, что Вы и в том и в другом не откажете. Простите...».

При всей очевидной почтительности, в этом письме ощутима некая преграда между отцом и сыном. То ли Василий тяготился властью отца, то ли причиной была оторванность Василия от родителей в раннем детстве, только не стали близкими друзьями Михаил Федорович и его сын. Он не решился сообщить отцу, что еще в июле 1808 года на имя митрополита Платона им было подано прошение: «Обучаясь, а затем обучая под архипастырским Вашего Высокопреосвященства покровительством, я научился, по крайней мере, находить в учении удовольствие и пользу в уединении. Сие расположило меня к званию монашескому. Я тщательно испытал себя в сем расположении в течение почти пяти лет, проведенных мною в должности учительской. И ныне Ваше Высокопреосвященство, милостивейшего архипастыря и отца, всепокорнейше прошу Вашим архипастырским благословением совершить мое желание, удостоив меня монашеского звания».

Обрадованный владыка направил бумаги в Синод, на всякий случай указав Дроздова четырьмя годами старше. Митрополиту Платону, вступившему уже в восьмой десяток лет, мечталось, как в тихом уединении созданной им Вифанской обители он и молодой инок будут прогуливаться вдвоем в неспешных беседах о возвышенном, а когда призовет его Господь, Дроздов произнесет над его гробом последнее слово, подобное слову Григория Богослова об усопшем Василии Великом...

16 ноября 1808 года в Трапезной церкви Лавры состоялось пострижение Василия Дроздова в монашество с именем Филарет в честь святого Филарета Милостивого, а спустя пять дней митрополит Платон рукоположил его в первый священный сан – во иеродиакона.

Память святого праведного Филарета Милостивого празднуется в первый день декабря (14 декабря по новому стилю). Родился он в семье богатого византийского земледельца в 702 году и с детских лет выделялся благочестием и целомудрием. Филарет отличался необыкновенной добротой и щедро делился своим имуществом со всяким нуждающимся. Его богатства от этого стали уменьшаться, а опустошительное арабское нашествие привело его к полному разорению. Земли его захватили соседи, оставшихся пару волов и корову с теленком вопреки протестам жены и ропоту детей он сам отдал бедным просителям. Даже мед из единственного оставшегося у него улья он раздавал и, подобно Иову Праведному, непрестанно славил Бога. И Господь вознаградил его: внучку Филарета, красавицу Марию, взял в жены Император Константин VI Багрянородный. Но Филарет и после получения богатых царских даров и почестей не изменился, он по-прежнему все раздавал нищим и прожил в мире и покое до девяноста лет. Казалось бы, какой здесь пример для одинокого инока, лишенного богатства? Два важных урока дало житие Филарета Милостивого его молодому

соименнику: служи Богу больше, чем людям, но людям отдавай все, что имеешь.

Выбор для него был сделан. Казалось, инока Филарета ожидает славный путь служения в обители преподобного Сергия, но Провидение судило иначе.

В декабре Комиссия духовных училищ, созданная в 1808 году при Святейшем Синоде, потребовала прибытия в Санкт-Петербург иеродиакона Филарета и еще двух из лучших лаврских учителей. Попытки митрополита Платона отстоять своего любимца оказались напрасными. Сам же он, не желая покидать родную Лавру и своего покровителя, отказался, однако, подать соответствующее прошение, сказав митрополиту: «Я уже подал одно прошение – о пострижении меня в монашество. Произнеся тогда обет послушания, я отрекся от своей воли и теперь другого прошения подать не могу».

Глава 4

Свеча на свещнике

29 декабря 1808 года иеродиакон Филарет с товарищами выехал из Лавры. Дорога заняла пять дней, и в начале января 1809 года троицкие учителя прибыли в невскую столицу.

«Я поехал в Петербург в начале января 1809 года, – вспоминал позднее митрополит Филарет. – В это время были сильные морозы, доходившие до тридцати градусов. Дорогою я простудил ноги, так что и в поздние годы чувствовал боль в ногах».

Санкт-Петербург.
Вид Александро-Невской Лавры. 1820-е гг.

Санкт-Петербург произвел сильное впечатление на приехавших. Они знали Москву, но древняя столица в то время мало отличалась от провинциальных городов России, разве что Кремль, да торговые ряды, лавки и амбары в Китай-городе, да несколько дворцов вельмож придавали ей столичный облик. Просторно раскинувшаяся, с садами и огородами, с недлинными улицами и кривыми переулками, одно- и двухэтажная, утопавшая зимой в высоких сугробах, Москва вдруг увиделась троицким учителям большой деревней.

Санкт-Петербург же не только по названию, но и внешнему виду оказался воистину столицей, причем столицей европейской. Поразил своей шириной и длиной Невский проспект, величественная панорама Невы с Петропавловской крепостью, толчея толпы на улицах, бесконечная вереница карет, возков и саней на мостовой, множество военных, пеших и верховых, в разных мундирах, а в Александро-Невской Лавре – непривычно светское здание собора и внутреннее его убранство: вместо икон висели картины...

Однако встретили приехавших по-московски радушно. Архимандрит Евграф² всех разместил удобно, а иеродиакона Филарета даже пригласил в свои покои. Едва прошли боли в ногах, приехавший инок отправился представляться начальству. И это был первый из множе-

---

² Музалевский-Платонов, первый ректор Петербургской духовной академии, в прошлом – ректор Московской духовной семинарии.

ства уроков, полученных им той зимой: не теряя времени, дело надо делать. 4 января Дроздов представился митрополиту Санкт-Петербургскому Амвросию (Подобедову), а затем архиепископу Калужскому Феофилакту (Русанову). Оба они входили в Комиссию духовных училищ – высший орган управления духовными школами, от них теперь зависела его судьба.

Позднее митрополит Филарет вспоминал, как отец Евграф повез его к владыке Феофилакту. То была личность известная и примечательная. Благодаря своим талантам и способностям, отличному знанию французского языка и изысканным светским манерам Феофилакт сделался известным при Дворе, в тридцать два года был возведен во архиепископа Калужского и открыто метил на столичную кафедру и на место первенствующего члена Святейшего Синода. Поддерживал Феофилакта его однокашник по семинарии, а ныне статс-секретарь Михаил Михайлович Сперанский, оказавшийся в большом фаворе у государя Александра Павловича. Важно отметить, что честолюбие было важной, но не главной страстью владыки Феофилакта. Подобно многим церковным деятелям, он стремился к поднятию Русской Церкви из того приниженного положения, в котором она оказалась; Феофилакт желал поднять авторитет приходского священства, образно говоря, переобуть его из лаптей в сапоги и ввести в дворянские салоны. С этой целью по его инициативе и при поддержке Сперанского была создана упомянутая выше комиссия по духовному образованию – создана вроде бы при Синоде, но прямо Синоду, в котором заседали старые консервативные архиереи, не подчинявшаяся. Словом, Феофилакт был личностью крупной и яркой, и троцкий инок сразу это ощутил.

Архиеп. Феофилакт
(Русанов)

Архиепископ «спросил, чему я учился, – вспоминал митрополит Филарет. – Я отвечал: “Философии”. Он вздумал сделать мне экзамен, спросил, что есть истина. Я, знакомый только со старыми вольфианскими и лейбницевскими понятиями философскими, отвечал: “Истина

логическая есть то-то, истина метафизическая – то-то”. Феофилакт не удовольствовался, спросил, что есть истина вообще? Я затруднялся, не знал, что отвечать. Спасибо ректору, он вывел из замешательства шуткою. “На этот вопрос, – сказал он Феофилакту, – не дал ответа и Христос Спаситель”. Вопросы Феофилакты перешли к языкам. Узнав о знакомстве моем с языками древними – еврейским, греческим и латинским, он рекомендовал непременно учиться и какому-нибудь из новых, а в особенности французскому, уверяя, что на нем пишут или на него переводят все примечательное в науке. Это заставило меня обратиться к изучению французского языка. Может быть, впрочем, было бы лучше, если бы я знал немецкий язык. Для первоначального чтения, после ознакомления с французской грамматикой – самоучкою, попались мне сочинения Шведенборга³, которые, несмотря на совершенное несогласие с его направлением, всем навязывал читать Феофилакт».

Калужскому архиепископу нужны были не только преподаватели в столичные духовные академию, семинарию и училище. Ему требовались молодые сторонники, послушные исполнители его планов, образованные и открытые новым идеям. К Дроздову он, однако, сразу же отнесся настороженно, зная о его близости к митрополиту Платону, своему критику и противнику. Тем не менее он попытался привлечь иеродиакона Филарета на свою сторону. Советы же изучать французский язык и читать труды Сведенборга он давал всем.

По словам самого святителя, в то время он ощущал себя «молодым человеком без поддержки, без связей». Быстрый умом инок Филарет вскоре понял, что все его познания, приобретенные в Лавре, важны, но неполны без соотнесения с достижениями современной европейской культуры, без учета уровня развития современного общества со всеми его ошибками и обретениями.

Теософская система шведа Эммануила Сведенборга, получившая в конце XVIII – начале XIX века очень широкое распространение в Европе, основывалась на христианских началах, но отвергала Церковь и все ее учение. В системе Сведенборга был истинен и действителен лишь Богочеловек Иисус Христос, а весь остальной мир представлял собой видимость чего-то; богообщение и спасение оказывались возможными помимо всяких сообществ, в том числе церковных, одним лишь напряженным общением любого человека с Богом. После смерти теософа в Лондоне образовалась особая сведенборгианская «церковь Нового Иерусалима», а его книги с критикой протестантизма, обоснованием его учения и описанием его духовных видений стали пользоваться широкой популярностью и в России.

Почему это произошло? Образованное русское дворянство, насильственно оторванное по воле Петра от вековых традиций и самобытного уклада жизни и насильственно европеизированное, больше привыкшее читать на иностранных языках, чем на русском, уже не могло удовольствоваться простым слушанием малопонятных церковных служб на церковнославянском языке и затруднялось чтением Библии по-церковнославянски. Без веры жить оказалось невозможно, но дворянские умы смущали непонятность богослужения и ремесленное требование русских батюшек. Оттого в своих духовных исканиях они стали тянуться к новейшим достижениям европейского ума.

И иеродиакон Филарет понял, что ему предстоит либо подняться на новый уровень познаний для успешного служения в Петербурге, либо смиренно вернуться в тихую Троицкую Лавру, за стены которой пока не проникают новомодные учения. Люди дюжинные удовольствовались бы имеющимся. Дроздов же прилагал к своей жизни евангельскую притчу о талантах буквально, верил в истинность слов: *кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет* (Мф. 13, 12). Он чувствовал в себе немалые силы и таланты, а потому избрал первый путь, помня, конечно, о других словах: *от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут* (Лк. 12,

---

³ Так в прошлом произносилась фамилия шведского визионера и теософа Э. Сведенборга (1688–1772).

48). Между тем принят он был ласково, но назначения не получал. Жил у отца Евграфа и читал, читал, да ходил в церковь.

Только 1 марта 1809 года состоялось назначение иеродиакона Филарета учителем риторики в духовной семинарии, затем бакалавром философии и инспектором семинарии. На предназначавшееся ему место учителя высшей риторики в духовной академии был назначен иеромонах Леонид (Зарецкий). Архимандрит Евграф трижды ходатайствовал перед Комиссией о назначении своего друга в академию, но владыка Феофилакт воспротивился, ощутив внутреннюю свободу и независимость Дроздова. За огорчением последовали утешение и радость. 28 марта, в праздник Святой Пасхи, митрополитом Амвросием он был рукоположен в сан иеромонаха.

В письме отцу иеромонах Филарет сообщал: «О моем расположении спрашивали не иначе как мимоходом, а потому я не мог отвечать решительно. Между тем поручен мне был класс риторики на время. Отец ректор по требованию Комиссии рекомендовал меня в бакалавра богословия в академию и надеялся и обнадеживал в исполнении сего представления. Сверх всякого чаяния сделан я, как уже писал к Вам, бакалавром философии и инспектором в семинарии, хотя представлены были Его Высокопреосвященством другие... Вы знаете, думаю, что я люблю богословие, ибо нахожу в нем утешение, но теперь должен заниматься холодною философиею. Имев к ней прежде мало внимания, теперь чувствую свои недостатки, однако это не так беспокоит, как обязанность наблюдать поведение двух или трех сот человек, из коих я до вступления в должность ни одного не знал. Заседание в семинарском правлении так же для меня ново и тем паче затруднительно, что все члены (отец ректор, я и эконом) новоназначенные...

Теперь Вы видите мое положение, которого я и сам еще не осмотрел совершенно. Ход здешних дел весьма для меня непонятен... Жалованье мое здесь менее, нежели прежнее троичное. Стола еще не имею, ем по-христиански – хлеб и воду с вином. Это с тех пор как имею свою комнату. Хлеба ржаного и пшеничного в день надобно мне копеек на двадцать. Вот мое изобилие! Климат здешний много меня не беспокоит, только мокроты много. Раза два припадал от простуды, но легко и ненадолго, не знаю, что весна покажет...».

9 августа иеромонах Филарет назначен ректором учрежденного при семинарии духовного уездного училища с оставлением всех имеющихся обязанностей. Из этого можно сделать вывод, что молодой инок не согнулся под тяжестью многих трудов, да еще в непривычных условиях. Он сумел не просто устоять, но показать себя с лучшей стороны, показать не лестью или покорностью, а своим добросовестным трудом. В качестве инспектора семинарии он еженедельно являлся к владыке с докладами. Митрополит Амвросий сумел оценить способности Дроздова, присущее ему редкое сочетание кипучей энергии с тщательностью и скрупулезностью, его объективность и правдивость. Они ощутили друг в друге нечто общее, сблизились и стали доверять друг другу.

Общими усилиями архимандрита Евграфа и митрополита Амвросия состоялось назначение Дроздова во вновь созданную в 1809 году первую в России духовную академию – Санкт-Петербургскую, но, увы, ее вновь назначенный первый ректор отец Евграф не дождал до этого – он скоропостижно скончался от чахотки в ноябре 1809 года. А вскоре, 8 февраля 1810 года, иеромонах Филарет был переведен в духовную академию бакалавром богословских наук, ему было также поручено чтение курса церковной истории. Новое место, новые, более сложные задачи, но он был счастлив – то было дело по нему.

Новый ректор академии архимандрит Сергей (Крылов) принял Дроздова дружески, поселил рядом со своей кельей, опекал его, позволил ему пользоваться своими книгами, разделял с ним трапезу. От такой доброжелательной обстановки, а главное – с избавлением от крайне хлопотного и чуждого натуре Дроздова инспекторства, он ощутил прилив новых сил.

В новосозданной духовной академии не доставало учебных пособий по самым важным курсам. Иноку Филарету пришлось самому составлять учебные книги, причем по предметам, которые ему не преподавали, – к примеру, церковное право или церковные древности. Конспекты каждого курса он представлял для предварительного рассмотрения в Комиссию духовных училищ. Для подготовки к лекциям он просиживал вечера напролет над книгами, но каждый день входил в аудиторию подготовленным.

Позднее его лекции критиковали за компилятивный характер, да и сам он невысоко их оценивал, пусть так, но ведь он начинал на пустом месте. Студенты находили его блестящим и вдохновенным профессором: «Речь внятная; говорил остро, высоко, премудро, но все более к уму, менее к сердцу. Свободно делал изъяснение Священного Писания, как бы все лилось из уст его. Привлекал учеников так к слушанию себя, что, когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердие слушать его еще более, без ястия и пития. Оставлял он сильные впечатления в уме от учений своих».

Нельзя не сказать о том, что новым назначением иеромонаха Филарет был обязан не только своим талантам, но и обретенному им покровителю – митрополиту Амвросию (Подобедову), главе Санкт-Петербургской и Новгородской епархии, первенствующему члену Святейшего Синода.

Этот маститый иерарх, не отличавшийся ученостью, но бесхитростный, добродушный и стойко державшийся обычаев доброй старины, нуждался в помощнике. Он ласково принял троицкого инок в отличие от гордого и самоуверенного архиепископа Феофилакта.

Владыка Амвросий не менее своего калужского собрата стремился к возрождению Русской Церкви, но при этом не спешил заимствовать плоды западной учености, а уповал на естественные улучшения по воле Божией.

Митр. Амвросий
(Подобедов)

Он не желал упускать академию из-под своего контроля, а Феофилакт стремился там владычествовать, нетерпеливо ожидая своего возведения в митрополичий сан. Троицкий инок должен был выбирать. Феофилакту он оценил как человека «корыстолюбивого» и «светского направления». Какая бы порча была для целой Церкви, если бы такой человек был первым митрополитом!».

Конечно же, дело здесь не сводилось лишь к состязанию честолюбий церковных иерархов – личность каждого из них означала определенное направление развития церковной жизни.

Иеромонах Леонид (Зарецкий), также прибывший от Троицы, но принявший сторону владыки Феофилакту, читал в академии эстетику. Читал плохо, путанно и поверхностно, не зная многих понятий из философской системы Канта.

Студенты были недовольны. Зарецкий же воспылил завистью к своему товарищу Филарету, у которого все удавалось. В том 1810 году владыка Феофилакт пригласил в академию немца Игнатия Фесслера, начавшего читать несколько курсов и перетянувшего к себе студентов от Зарецкого. Неожиданно для последнего лекции ученого немца встретили резко критическое отношение со стороны ряда преподавателей, в том числе иеромонаха Филарета. Этого Зарецкий понять не мог, ведь Фесслер, как создатель новой масонской ложи, пользовался покровительством самого Сперанского, и выступать против него было опасно для карьеры⁴. Удивительно ли, что инок Леонид (Зарецкий), служивший лицам, а не делу, остался в неизвестности, а для иеромонаха Филарета самозабвенное служение делу стало естественным способом возвышения.

Принимая многое доброе из западной науки, иеромонах Филарет чутко примечал идущие оттуда вредные влияния. Многознающий Игнатий Фесслер стал проповедовать в духовной академии идеи мистические, близкие к пантеизму, фактически отрицая Церковь Христову. Удалить его из академии оказалось возможным лишь в июне 1810 года, когда в своем конспекте о древней истории Восточной Церкви он описал православное богослужение состоящим из «двух элементов: лирического и драматического». Позднее удалили преподавателей французского языка де Бое и немецкого языка Отто Смольяно: первый распространял среди студентов идеи католичества, а второй – протестантизма. Курсы Фесслера передали Дроздову, курсы иностранных языков – другим русским преподавателям.

Труды в академии занимали почти все время Дроздова, это и утомляло, и радовало его. Он постепенно вырабатывал свой образ жизни – вечного труженика, занятого с рассвета до заката. Без сомнения, он уделял много внимания и своей внутренней монашеской жизни. В этом ему надежным наставником служил святой Григорий Богослов, писавший полторы тысячи лет назад, но будто обращаясь к нему сегодня: «Желаю также, чтобы ты богател одним Богом, а целый мир почитал всегда наравне с паутинными тканями».

Однако жизнь устраивалась вопреки тем планам, что он лелеял в обители преподобного Сергия: вместо тишины и покоя почти деревенской монашеской обители – хлопотливая и шумная суeta в центре столичной жизни, вместо степенного служения у мощей преподобного и одной-двух лекций в семинарии – выматывающее силы составление совершенно новых курсов, вместо тесного круга троицких иноков и старца-митрополита – косые взгляды завистников, ехидные отзывы и тайные наветы недоброжелателей.

В столице, вблизи царя и центра церковной власти, он оказался в обстановке накаленного честолюбия, беспрестанной лести и угодничества, влиявших и на церковную жизнь. Конечно же, это тяготило его, временами порождая скорбные мысли и уныние. Его иноческий путь, видевшийся прямым и открытым, оказывался очень непростым, требовал осторожности, внимания, сдержанности.

---

⁴ М. М. Сперанский был не только инициатором создания Санкт-Петербургской духовной академии и главным реформатором русской системы духовного образования, но и фактическим руководителем Комиссии духовных училищ.

Он изливал свои переживания и чувства в письмах, помня, впрочем, о перлюстрации корреспонденции почтовыми чиновниками и полагаясь более на оказии.

«Любезнейший друг и брат! – писал Дроздов священнику Григорию Пономареву 5 января 1811 года, – Почти терял я надежду что-нибудь знать о тебе. Перемена состояния, имени, жилища закрыла меня от тебя; я, сжегши твои письма при торопливом отъезде из Сергиевой Лавры, позабыл, как надписывать к тебе письма... Наконец письмо твое сверх чаяния мне тебя возвратило. Суди посему о радости, с какою я получил оное... К здешней жизни я не довольно привык и едва ли когда привыкну более. Вообрази себе место, где более языков, нежели душ, где надежда по большей части в передних, а опасение повсюду, где множество покорных слуг, а быть доброжелателем почитается неучтивым, где роскошь слишком многого требует, а природа почти во всем отказывает, – ты согласишься, что в такой стихии свободно дышать могут только те, которые в ней или для нее родились. Впрочем, есть люди, которых расположениями я сердечно утешаюсь...»

30 июня 1811 года Император Александр Павлович пожаловал иеромонаху Филарету Дроздову наперсный крест с изображением Спаса Нерукотворного, обложенным 32 бриллиантами, 16 топазами и 230 малыми рубинами. Уже через несколько дней, 5 июля 1811 года, иеромонах Филарет был возведен в сан архимандрита, 11 марта 1812 года назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии, а 27 марта высочайшим указом определен настоятелем Юрьевского монастыря вблизи Новгорода, одной из старейших монашеских обителей.

В 1815 году выходит в свет книга архимандрита Филарета «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Восточной Греко-Российской Церкви», написанная в соответствии с пожеланием Императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги царствовавшего тогда Императора Александра I. Книга была составлена в известной на Западе диалогической форме, подобно знаменитым диалогам святого Григория Двоеслова, в ней чувствуется знание «Точного изложения православной веры» преподобного Иоанна Дамаскина и многих «Слов» святителя Григория Богослова, чья глубокая мысль и чеканная точность стиля явно покорили архимандрита Филарета. В этой книге ректор академии проявил не только незаурядные способности апологета и полемиста, но и немалый художественный дар. Книга легко читается, увлекает читателя.

В 1816 году выходят из печати его «Начертания церковно-библейской истории» и «Записки, руководствующие к основательному разумению книги Бытия, заключающие в себе и перевод сея книги на русское наречие» с посвящением государю Императору Александру Павловичу. Нельзя не поразиться этой работе. Как смог молодой монах, загруженный множеством текущих административных и учебных дел, не только найти время, но и основательно проработать ранее неизвестные ему богословские труды, комментарии и критические издания Ветхого Завета, вышедшие в Германии и Англии? Но прочитал, осмыслил и дал подробнейшее толкование первой книги Библии с использованием известных ему рукописных текстов на древнегреческом, древнееврейском и латинском языках. Надежной опорой в его работе стали книги немецкого теолога Иоганна Франца Буддея, особенно вышедшее в 1727 году в Лейпциге «Историко-богословское введение в мир богословия и его частей».

Стоит оценить и смелость архимандрита Филарета. Он не удовольствовался церковнославянским переводом, а предложил читателю текст Священного Писания на современном русском языке, переведенный с еврейского оригинала и дополненный в соответствии со славянским текстом по греческому оригиналу Септуагинты. Это качество святителя – всегда давать больше того, чем ожидают от него, – неизменно поражало окружающих.

Великий церковный труженик становится известным высшему петербургскому свету и Двору, его узнают и принимают видные сановники и аристократы, авторитет его вознесся на большую высоту и стал бесспорным. В чем причина столь стремительного возвышения?

Конечно, не только в богословских заслугах и черновых трудах по духовным учебным заведениям. Причина – в проповедях Филарета.

Глава 5

Проповедник

Первой проповедью иеромонаха Филарета, получившей в Петербурге в 1810 году известность, стало слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы, произнесенное в Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Там собирались слушатели искушенные – монашествующие, представители столичной аристократии, прихожане из торговцев и мещан, все они кого только не слушали, удивить их было трудно. Но вышедший на амвон худой и невысокий монах удивил молящихся. Его слово оказалось выстроенным по привычным законам церковного красноречия, однако было полностью лишено выпяченной риторики, столь привычной для церковных людей.

«Так, христиане, сии временные противности Царства Христова и его, так сказать, изгнание из мира, иногда явное и грубое, иногда тонкое и хитрое, суть такие события, которые предопределил человеколюбивый Бог в пользу любящих Его человеков. Он искушает их яко злато в горниле, дабы приять их, наконец, яко всеплодие жертвенное. Мир есть то горнило, в котором огонь искушений, постепенно разрушая плоть, очищает сокровище духовное и возвышает цену его пред очами неба...»

Сознавал ли кто из слушавших молодого монаха, насколько искренним, от горячего сердца было его слово? «Вообразим, например, что Христос внезапно явился бы в сем храме, подобно как некогда в Иерусалимском, и, нашед здесь, как там, *продающих и купующих* (Мф. 21, 12) – продающих фарисейское благочестие и покупающих славу ревностных служителей Божества, продающих свою пышность и покупающих удивление легкомысленных, продающих обманчивую лепоту взорам и покупающих обольщение сердцу, приносящих в жертву Богу несколько торжественных минут и хотящих заплатить ими за целую жизнь порочную, – всех сих немедленно, навсегда извергнул бы отселе, да не творят дома молитвы домом гнусной купли, и, как недостойных, отсекал бы от сообщества истинно верующих...»

Мир сей не царствует, но рабствует! – утверждал проповедник. «Если исключить от него тех, которые всем его званиям предпочитают звание христианина, то в нем останутся одни рабы – рабы честолюбия, рабы злата, рабы чрева, рабы сладострастия и, все вместе, рабы самолюбия... Отврати, верующая душа, очи твои, еже не видети суеты; обратися в покой твой и втайне ищи тихого, безмятежного Царствия Божия в себе самой... В живой вере и в твердом уповании, в чистой совести, в ангельской любви – здесь Царствие Божие... Все сие – начало блаженства, скоро – бесконечность! Теперь оно в меру, скоро без меры! Сие заря утренняя, скоро день не вечерний! Сие бдение полночное, скоро торжество брачное!»

Неожиданно для Дроздова некоторые молящиеся подходили к нему после службы и благодарили за проповедь. Они поняли главное сердечное чувство проповедника: не желание обличать и укорять, а призыв обратить свой духовный взор к Богу, поверх житейской суеты служить Богу, не смущаясь своей слабостью верить в неисчерпаемое милосердие Божие.

В 1811 году митрополит Амвросий поручил Дроздову произнести в Лавре слово в праздник Пасхи. «Так, Он воскрес, христиане! – торжественно начал проповедник, – Как одно мгновение изменяет лицо мира! Я не узнаю ада, я не знаю, что небо и что земля. Ад ли это, заключивший рабов проклятия, который теперь отдает сынов свободы? Земля ли это, где Божество сияет пренебесною славою? Небо ли это, где поселяются земнородные и царствует человечество? Непостижимое прехождение от совершенного истощания к полноте совершенства, от глубочайшего бедствия к высочайшему блаженству, от смерти к бессмертию, из ада в небо, из человека в Бога! Великая Пасха!»

Владыка Амвросий был восхищен великолепной проповедью. Сила и поэтичность слова, глубокое раскрытие в нем смысла новозаветной Пасхи привели его в восторг. И не только его.

Дроздова подозвал к себе обер-прокурор Святейшего Синода князь Александр Николаевич Голицын и поздравил с очень удачной проповедью. Князь бесцеремонно разглядывал молодого монаха и пожелал ему почаще проповедовать в Лавре. Дроздов сдержанно поблагодарил его и ожидал возможности отойти. Он нисколько не обольщался таким знаком внимания со стороны близкого друга государя. Он хорошо помнил их первую встречу. Спустя много лет митрополит Филарет не без юмора рассказал о ней своему биографу Николаю Сушкову.

Обер-прокурор князь А.Н. Голицын

Весной 1809 года был праздник в Таврическом дворце. Пригласили и духовенство, которое разместилось на хорах. Митрополит Амвросий взял с собой недавно прибывшего из Троице-Сергиевой Лавры иеродиакона Филарета. Тому показались крайне странными и недуховное празднество, и скачка вперегонку многих карет и колясок четвернёй, и пестрые толпы мужчин и женщин, суетливо рассыпающиеся по залу во все стороны без видимой цели, и громовая музыка, перекрывающая шум и говор. Он впервые в жизни видел все это. На хоры поднимается небольшого роста человек в вышитом мундире со звездой и лентой, вертляво расхаживает посреди членов Синода, кивает им головой, пожимает им руки, мимоходом бросает слово тому-другому. «Какое странное существо!» – подумал иеродиакон. Митрополит подвел его к человеку в мундире, представил, тот о чем-то спросил, но растерявшийся инок молча поклонился ему и отошел. То была первая встреча Дроздова с князем Голицыным. «Каким же неуклюжим дикарем показался тогда я ему! – вспоминал митрополит Филарет, – Что он дол-

жен был подумать обо мне? И теперь смешно, как придет на память мое неведение светских условий... Смешон был я тогда в глазах членов Синода. Так я и остался чудаком».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.